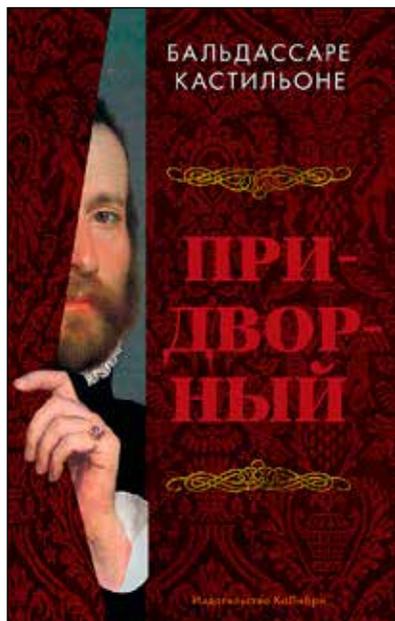

Кастильоне Б. Придворный

Пер. с ит., коммент., послесл. П. Епифанова. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. — 640 с.

«Придворный» Кастильоне — одна из самых влиятельных книг в мировой истории. На протяжении столетий она непосредственно или опосредованно определяла и продолжает определять представление о «светскости», сформулировав идеал придворного, который одновременно явился одним из вариантов совершенного человека¹.

Сила воздействия книги Кастильоне связана в немалой степени с тем обстоятельством, что будучи во многом руководством, она оказывается и выдающимся литературным произведением — и это же придаёт ей особую сложность, поскольку возникает напряжение между прагматическими, наставническими задачами текста — и той автономной, художественной реальностью, которая в нём рождается и которая оказывается несводимой сугубо к прагматическим целям.

Смысл произведения на первый взгляд вполне прозрачен (по крайней мере, так эту книгу многие будут читать на протяжении столетий): он в том, чтобы дать образ совершенного придворного, это руководство, нормативный образец. Ему надлежит быть прежде всего воином, но эта воинская доблесть должна быть смягчена, приноровлена ко двору — который более не является мужским общежитием, вариантом «лагеря», «ставки», это во многом женский мир — и от способности нравиться женской части двора зависит многое не только в судьбе придворного, но и в том, как он смотрит сам на себя.

¹ Здесь сразу же надлежит сделать оговорку, что ни для автора, ни для многих его читателей, речь не идет о единственном идеале — есть разные варианты, разные пути жизни, и путь придворного не только не является единственным, но и по меньшей мере проблематично, является ли он высшим. Несмотря на платоническую ориентацию, в этическом и политическом плане Кастильоне скорее аристотелианец, да и независимо от этого утверждает приоритет жизни созерцательной над жизнью деятельной.

Автор говорит о конкретном месте и времени, уже далёком от него. Он рассказывает о беседах при урбинском дворе во времена его молодости, беседах если и не конкретных, то всё же хорошо показывающих собеседников. (Когда Кастильоне завершит основную рукопись книги, он пошлет её оставшимся в живых к тому моменту участникам разговоров, прося о поправках и уточнениях.) Итак, это одновременно и поучение, и книга воспоминаний, и трактат. Книга начинается как повествование о придворном, образ которого полняется отзвуками куртуазной поэзии, а заканчивается гимном любви, которая выше всего телесного: придворные встречают утреннюю звезду — ту же, что и вечерняя, и в этом слышен отзвук платоновского учения о двух Афродитах: Земной и Небесной.

Весь текст можно рассматривать ещё и как путь, так как он построен как четыре беседы, в которых последовательно развивается разговор. Напряжение возникает уже в первой книге и выходит на передний план во второй: идеальному придворному (здесь надобно подчеркнуть, что именно идеальному, а не реальному, скованному собственными недостатками и ограничениями) следует производить впечатление на окружающих. Не просто заботиться о своей репутации, хранить честь, что само собой разумеется, но и казаться более знающим, более умелым в каких-то областях, чем он есть на самом деле. Именно в этой связи возникает и развивается тема «лёгкости», непринужденности, «грациозности» придворного. Так брошенное им мимоходом стихотворение должно сообщить окружающим о его поэтических дарованиях, ведь если он попутно, «играя», способен создать столь достойное стихотворение, то к чему он окажется способен, если приложит свои силы сполна!? Грациозность здесь и способ представить себя большим, чем ты есть, и вместе с тем возможность не связывать себя слишком сильно: относительная неудача не станет поражением, поскольку ты не объявляя это «большим», игра позволяет отступить, обратить происходящее в забаву, не относиться к этому слишком серьёзно. Потому автор советует мимоходом демонстрировать то, в чём разбираешься лишь отчасти, не особенно это акцентировать (то есть не давать повода предполагать больших способностей), и избегать того, в чём ты слаб или что тебе не удаётся.

Придворный мир тем самым оказывается состязанием в создании иллюзий. Идеальным придворный становится именно по той причине, что его достоинства не иллюзорны. Он способен создавать наилучшее мнение о себе, в том числе разумно поддерживая преувеличенные суждения о своих способностях, но не претендуя на то, чего не сможет подкрепить делом. Ему не следует самому говорить о своих свойствах и качествах, но следует побуждать строить благоприятные суждения о себе на основании своих действий, и тем самым, попутно, защищать себя от угрозы разоблачения.

Целью этого состязания в создании благоприятной репутации является мнение государя. У придворного два объекта воздействия. «Пьеса» (используем более позднюю метафору) разыгрывается перед двумя зрителями: государем и двором, при этом второй зритель это не просто совокупность многих придворных, это создатель и носитель той репутации, которая будет определять вес и возможности придворного. Это многоголосый хор, сообщество, в котором даже ссора, острая реплика, задевающая чьё-то самолюбие, способна укрепить положение. Но главным зрителем и главным объектом воздействия остается государь, он выступает и наиболее влиятельным творцом репутаций:

«<...> и нам с вами случилось видеть в этих стенах людей, которые, будучи чрезвычайно глупы и грубы, однако, славились по всей Италии как величайшие придворные; и пусть в конце концов их раскрыли и узнали, всё же многих из нас они ввели в заблуждение, удерживая в наших душах то мнение о себе, которое в самом начале мы нашли как бы отшнурованным в них, хотя поступки их были сообразны их ничтожеству. Видели мы и других, которых сначала никто не ценил, а они в конце концов достигали весьма много. Эти ошибки имели различные причины; среди прочих — упрямство государей, которые, желая творить чудеса, пускаются подчас осыпать милостями такого, кто, по их же собственному мнению, такого вовсе не заслуживает. Конечно, часто они обманываются и сами; но поскольку всегда находится безмерное множество желающих им подражать, из их милостей к кому-либо происходит весьма громкая слава, за которой чаще всего и следуют люди в своих суждениях. А если обнаруживают что-нибудь, что выглядит несогласным с общим мнением, то подозревают, что обманулись, и всегда ждут чего-то потаённого; ибо им кажется, что эти общие мнения должны же быть основаны на истине, иметь действительные причины».

(Кн. I, гл. XVI)

Что делает идеи Кастильоне влиятельными на протяжении веков — это то, что любому идеальному придворному приходится действовать при неидеальном дворе. Эта книга далека от риторических поучений или собрания древних примеров, потому что показывает совершенного придворного в реальных обстоятельствах. Поэтому автор предоставляет стремящемуся к идеалу придворному право покинуть государя, если последний понуждает его к недолжному. И поэтому Кастильоне указывает на важность умения придворного влиять на окружающих, ведь его способность оказывать воздействие на государя зависит от мнения двора.

Таким образом становится очень важным вопрос: чем руководствуется придворный в этом сложном плаваньи? Ведь он не ориенти-

руется на мнение двора, а, напротив, пытается по мере сил управлять им, и государь, которому он служит, с большой вероятностью не является средоточием всех совершенств. Идеальная цель придворного сформулирована в IV книге: должном стечении обстоятельств стать наставником, воспитателем государя.

Политику древности, чтобы действовать, надлежало снискать расположение и доверие народного собрания. Придворному чтобы действовать надлежит завоевать и удержать любовь государя. Искусство любви и многие другие придворные искусства и навыки — это то, что необходимо придворному, чтобы реализовать себя в мире.

И ещё один немаловажный момент: книга начинается как игра. По существу все четыре беседы, из которых состоит книга — это четыре раунда игры придворных Урбино перед сеньорой герцогиней Елизаветой. Научение придворному искусству — это не только содержание бесед, но и сам ход разговора, обмен репликами, победа одного собеседника и проигрыш другого. Итак, это не трактат, а живое изображение придворной жизни, одной из её сторон, и одновременно научение новым, тонким удовольствиям, где завоевание симпатии, любовная игра и вражда соперников укладываются в рамки внешне непринуждённого словесного поединка. А зная эпоху, в которую автор поместил своих героев, и ту, которая наступит после, когда Кастильоне будет писать свои диалоги при дворе герцогини Урбинской, учитывая отсылки к «Декамерону» и десяти дням чумного года, эта книга обретает особый вес.

А. А. Тесля

Для цитирования: Тесля, А. А. [Рец.] Кастильоне Б. Придворный / Пер. с ит., коммент., послесл. П. Епифанова. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021 // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 228–231.